

Регина Хайруллова

Сиреневое
счастье

RUGRAM

Москва
2026

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Х15

Хайруллова, Р.

X15 Сиреневое счастье / Р. Хайруллова. — М. : RUGRAM, 2026. — 204 с. — (Меж явью и сном: истории о любви).

ISBN 978-5-517-14184-2

Молодая художница мечтает о выставке своих картин. Однажды, рисуя в роще, она встречает незнакомца во фраке. Поражённая его необыкновенностью и остроумием, она чувствует, что они созданы друг для друга.

Счастье, как и выставка картин, длится недолго: Фиделия узнаёт, что видеть своего избранника может лишь в роще, ведь их разделяет сотня лет, и он живёт в мире, где вскоре начнётся Первая мировая война.

В роще Фиделия встретится с призраками, с древним Дубом, с дворянами и со своими страхами. Ей придется сделать выбор, который определит судьбу.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус) В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-14184-2

© Хайруллова Регина, 2026
© Хромцова Мария, оформление, 2026
© RUGRAM, 2026

Посвящается Симбирску-Ульяновску и его жителям

*В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
А.С. Пушкин*

Глава 1. Пятница XXI века Фиделия

Когда наступает счастье? Фида не знала наверняка, но она знала точно, что её несчастье начинается по пятницам. Вечер перед выходными значил, что будет полно пьяных посетителей, которых ей — официантке — надо обслуживать. Так, мужчина у окна выпил уже всю бутылку и нараспев начал кричать:

— Фиде-елия-я! Где-е моя Фиде-елия-я?!

Он запомнил имя. Похоже, что начнёт приставать.

Фида нехотя подошла к нему, стараясь вдыхать зловоние как можно меньше. Ей хотелось облить этого мужлана чем-нибудь погорячее и навсегда уйти из кафе, но ветер всё громче свистел в карманах.

— Принеси мне ещё, — заплетаясь, пробормотал он и схватил Фиду за руку, когда она стала отходить. — Девушка, а вы замуж не желаете? — спросил он, глядя туманным взглядом мимо Фиды.

Он больно сжал запястье грубыми пальцами, и Фиде захотелось вырваться и убежать, но она удержалась и сурово ответила:

— Нет.

Она хорошо знала: чем меньше говоришь с такими, тем больше шансов быстро уйти. Но этот, по-видимому, был не из понятливых.

— Девушка, а почему? — допытывался он, качаясь на стуле.
— Я не нравлюсь вам?

Фида дёрнула руку и вырвалась из лап завсегдатая.

— Моя Фиделия! — вопил он на всё кафе, пока Фида сбегала.

— Как вы надоели! К чёрту, к чёрту всё! — воскликнула она, спрятавшись в туалете. — Ухожу!

Фиделия умылась холодной водой и посмотрела на наручные часы. Смена кончалась через тридцать минут.

— Господи, как их пережить? — простонала она, глядя в потолок, на котором дым от сигарет нарисовал желтоватое дерево с качающимися на ветру листьями. Они двигались до того плавно, что Фида засмотрелась и сама успокоилась, после чего вышла в зал.

Майское солнце почти село, когда она возвращалась домой. Шла быстро, сжимая руки в кулаки и кутаясь в прохудившуюся кофту. Как и всегда после таких посетителей ей всюду мерещились маньяки и призраки. Силуэты деревьев превращались в людей, готовых напасть на несчастную Фиду из-за своих коварных целей, а тени в окнах становились неприкаянными душами, которые вынуждены вечно скитаться по миру и искать приют.

Первые звёзды пульсировали в такт сердцу, резонируя с ним. Они, казалось, вырисовывали тайный рисунок на небе и в душе, передавали загадочный шифр, который человечество ещё не скоро разгадает. В такой час даже сирень пахла как-то особенно, кружа голову и навевая туманные мысли о будущем, о счастье, которое Фиделия всё время ждёт, но которое никак не наступает. Эти мысли плыли по воздуху вместе со сладковатым запахом сирени и медленно рассеивались, заглушаемые мрачными думами о понедельник и пьяных посетителях.

Фида свернула во дворы и пошла ещё быстрее, чтобы успеть добраться до дома, пока тьма не задушила слабый свет фонарей. Но вот они погасли, и ночной город зашумел, тени забормотали, призраки покинули окна и потянулись к Фиде...

Подъезд.

Фиделия проскользнула в дверь, и тут же по телу пробежали мурашки: тепло обволакивало, обнимало, словно добрый друг, который однажды придёт и обязательно поможет. Поможет вы-

браться из этого чудовищного сумасбродного мира, в котором она живёт.

В мерцании лампы можно было разглядеть хрупкую на вид Фиду с глазами цвета травы, с удивительно светлым и чистым лицом, которое омрачалось морщинками на лбу, хотя их хозяйке было всего двадцать три. Тёмные волосы стягивала резинка, сдерживая их в тугом узле, от которого болела голова. На площадке Фида высвободила их, и длинные пряди рассыпались по узким плечам, укрытым материнской кофтой.

Фиделия отперла потёртую дверь и, глубоко вздохнув, вошла в квартиру. Внутри, на первый взгляд, жила та же тьма, что и на улице, но на самом деле эту темноту Фида приручила ещё в детстве. В этом ей помог отец, который развесил по всему дому ночники, чтобы Фида могла включать их всякий раз, как испугается. А пугалась она часто. То у стены стоял клоун, то из окна лился загробный свет от призраков, то из-под кровати выползали тени. Со временем Фиделия научилась укрощать монстров, угрожая уничтожить их с помощью включенного света. Потихоньку они смирились со своей участью и перестали тревожить Фиду. Лишь один угол до сих пор пугал её, но призраки тут были ни при чём, и свет делал ещё хуже, потому Фида редко зажигала его во всей комнате.

Её квартира была на первом этаже. У самого окна — рябина. Окна смотрели на запад, на железную дорогу. Рядом вокзал, где слышно по ночам, как тормозят поезда, как прицепляют вагоны и объявляют посадку в далёкие чудесные края. Позади — Лес. Большой и древний. Прямо посреди города.

Фида жила здесь словно всегда.

Стены давно были увешаны картинами: охристые стволы сосен, убегающие ввысь; зимние полянки, окружённые кустами со снежными шапками; бледные цветы диких яблонь, что пахнут всегда слаще садовых. И, наконец, осенние листья с густыми мазками акварели, подобной маслу на этих рисунках.

Однушка Фиделии была почти без мебели. Да ей она и ни к чему. Два табурета, один из которых всегда занят пакетом или сумкой, стол, где она и ест, и творит. Кровать и шкаф. Ни диванов, ни кресел — минимализм, как говорит Фида тем редким знакомым, что заходят в кафе.

По вечерам, когда она только отворяет дверь и переступает порог, на неё порой нападает тоска. И тут ни соседский полосатый кот, ни рисунки не могут помочь. Утром чуть легче: она встаёт, чтобы увидеть солнце, отражённое от окон дома напротив. Ведь её собственные глядят на запад. Да и солнце бывает в квартире всего четверть часа. Высотка впереди слишком большая, зато яркая: с красно-желтыми балкончиками.

Тем вечером Фида, как обычно, пошла в ванну, нащупала выключатель, и свет залил узкую комнату. Плитка давно потрескалась и кое-где отвалилась, ванна же напоминала старое желтое корыто, а единственным красивым предметом была фотография над зеркалом. С фото улыбались молодожёны: модница восьмидесятых годов и усатый мужчина. Тогда её родители ещё были счастливы.

«И что есть это ваше счастье?» — подумала Фиделия и отправилась спать. Во сне она видела рощу, которая на что-то жаловалась, а Фида кивала ей и отвечала, что обязательно во всём разберётся и поможет. Роща успокаивалась, и ветви её деревьев изгибались в улыбке.

«Завтра», — бормотала во сне Фида и уже слышала, как громадный Дуб шелестел юной листвой.

Он говорил, что рос здесь всегда. Видел, как люди из племени ходили вокруг костра и жгли особые травы. Как первые крестьяне добивались к реке сквозь заросли. Помнил поколения дворян, что сменяли друг друга, и всадников на конях, что мчались мимо него, и то, как здесь, в самом сердце Природы, воевали в окопах и пили воду из мшистых родников.

Дуб помнил всё. Его древние корни прочно держались за землю, а ветви по-прежнему тянулись ввысь, к солнцу.

Он был мудр, но стар. Его ствол не выдерживал, и Дуб знал, что однажды наступит день, когда он рухнет. И тогда... Что будет с дубравами в западной части, с милым родничком в низине, с купелью в самой глубине? Что будет тогда?

Дуб не ведал.

Глава 2. Весна тысяча девятьсот четырнадцатого года Дмитрий

Дмитрий Иванович — высокий мужчина двадцати с небольшим лет — сидел в гостиной своей дальней родственницы Екатерины Максимилиановны Киндяковой. Он, как и всегда, был одет во фрак, а во рту держал дедовскую трубку, дым которой причудливо вихрился и поднимался. Тёмные волосы он тщательно зачесал, так что не выбивался ни один волосок, что выглядело если не забавно, так по меньшей мере странно в сочетании с торчащими в стороны усами. Глаза Дмитрия Ивановича флегматично скользили с болтливого собеседника на предметы дорогой мебели и обратно. Мысли его уплывали в сад, прилежавший к дому, где уже зацвела сирень, и дальше — в рощу, где его ожидала прекрасная незнакомка.

— Так придёте, Дмитрий Иваныч? — в сотый раз спрашивал Семён Ставыгин противно высоким голосом.

— Не думаю, что там будет нечто новое.

— Так зачем же новенькое? Будут всё те же и всё то же. Лизонька, говорят, проберётся тайком, — сказал Семён Семёнович и подмигнул.

Дмитрий Иванович вздохнул и отложил потухшую трубку. Ставыгин ужасно надоел, но отказать ему — всё равно, что запретить перед собой все знатные дома Симбирска. Ставыгин — невзрачный и тощий дворянин. Он считает, что будущее России давно не в руках дворянства и что надо покинуть эту страну как можно скорее. Однако он, к сожалению Дмитрия Ивановича, её не покидал, а продолжал нести чиновничью службу и обыгрывать Дмитрия в карты.

— Я что вспомнил, вас Екатерина Максимилиановна просила.

— Как? Меня? — Ставрыгин восторженно вскрикнул. Если к Дмитрию Ивановичу он относился фамильярно и порой пренебрежительно, то Екатерину Максимилиановну по-настоящему уважал за её добродетели, ум и особенно — богатство.

Семён, не прощаясь, вышел из комнаты, а Дмитрий, довольный своим обманом, отправился в рощу, пока Ставрыгин не вернулся.

Листья уже распустились, и от этого вековые деревья казались совсем юными. Птицы заливались пением, окрыляя всякого, кто их слышал. Тропинка, вдоль которой желтели лютики и блестела на солнце трава, свернула и вывела к скамеечке над самым обрывом, где росли кусты сирени. Отсюда открывался вид на могучую Волгу и строящийся мост, который должен был возвыситься над рекой и связать меж собой два берега. А в августе обещали пустить поезда с левобережья на Урал и в Сибирь. А там и по мосту проложат пути. Тогда, быть может, он наконец побывает среди Уральских гор.

Дмитрий поёжился от холодного ветра и внимательно посмотрел на скамейку, которая с недавних пор стала для него волшебной, ведь именно на ней появлялась незнакомка.

Со спины — тень от сиреновой шляпки, изящный изгиб шеи, обнажённые золотоватые плечи, грациозные руки с тонкими аристократичными запястьями и узкая спина, обтянутая тонкой тканью. В профиль — прикрытый шляпой лоб, аккуратный нос и удивительная бледность лица, подчёркнутая едва красными губами; плавно вздымающаяся грудь, полуприкрытые платьем колени. Последнее Дмитрия удивляло и одновременно с этим будоражило. Из-под шляпки не вылетало ни локона, так что нельзя было узнать, какого цвета её волосы, хотя Дмитрию казалось, что непременно золотые. Воздушные ткани, кружева, декольте — её наряды были подобны тем изысканным и причудливым платьям, что носят актрисы столичных театров, возвращаясь домой под руку с кавалерами и при этом искусственно краснея от всякого комплимента. Должно быть, прекрасная незнакомка прибыла именно оттуда, из края роскоши, славы и бесконечного восторга.

Однако она была столь тонка и хрупка, что, когда дул ветер, Дмитрий боялся, как бы она не улетела вслед за ним, как бы

мираж не рассеялся. В такие моменты ему особенно сильно хотелось обхватить её за талию и прикоснуться губами к изящным запястьям, а после... Целовать до скончания века, пока оба они не обратятся в пепел.

Но одна красота не смогла бы надолго очаровать Дмитрия, потому он наслаждался тем, что девушка никогда не сидела просто так. Незнакомка проводила линию за линией, создавая противоположный берег, она касалась кистью, и весь нарисованный мир оживал и светился. Она, что было для Дмитрия несомненным, обожала искусство. Да ведь она актриса, так и должно быть.

По субботам или воскресеньям Дмитрий издали наблюдал за её движениями и молча восхищался, вопреки своей натуре, которая сразу требовала всё, что ей приглянулось.

Но завтра всё изменится. Он уже решил.

А пока Дмитрий закурил трубку и отправился к масонскому храму, прозванному в народе Статуйкой. Это была высокая беседка из красного кирпича. Храм украшали четыре портика и купол, над которым возвышалась фигура Иоанна Крестителя. Статуйку построил ещё в восемнадцатом веке его предок, и о ней ходило немало легенд. Поговаривали даже, что это вовсе не масонский храм, а часовня над могилой юной Киндяковой.

Дмитрию представилась его незнакомка, лежащая под этим огромным зданием, придавленная кирпичами и позабытая всеми, кого она знала и любила. Одинокая, несчастная, обречённая оставаться на этом самом месте веками. Дмитрий встряхнул головой и повернулся, чтобы уйти, но, к своему несчастью, увидел Лизу Искову, которая в последнее время всё чаще появлялась рядом: то в роще, то у Ставырыгина, то у Екатерины Максимилиановны.

У Елизаветы — Лизоньки, как звал её Семён, — плотное, малооформленное тело, которое не спасают даже корсеты. У неё толстые запястья, круглое лицо с застывшим выражением удивления: чуть приоткрытый рот и широко раскрытые глаза. Вздёрнутый нос её часто морщится, и от этого на подбородке появляется ямка. У неё рыжие кудрявые волосы, которые вечно выбиваются из причёски. Лизе лет пятнадцать, на вид столько же, а вот по развитию не наберётся и на пять лет, в этом, по крайней мере, Дмитрий не сомневался.

— «Не узнавай, куда я путь склонила, в какой предел из мира перешла... О друг! Я всё земное совершила; я на земле любила и жила!» — процитировала она, склонив голову. — Ах, как красиво! Не правда ли, Дмитрий Иванович? — улыбнулась Лиза и восторженно посмотрела на него.

— Совершенно ничего красивого. Зачем вы здесь? Давно призраков не видели?

— Ах, не пугайте меня, Дмитрий Иванович, — попросила Лиза.

— Почему же? Раз вы такая несмышлёная, то надо и напугать.

Лиза потупилась и зарумянилась. Дмитрий вспомнил воздушную красоту незнакомки и её бледность, и румянец Лизы стал ему противен.

— Вы преследуете меня и краснеете всякий раз, как видите. Отчего это?

— Сегодня солнце печёт, — пробормотала девица и залилась краской сильнее. — Я хотела спросить вас... — робко начала она, не поднимая глаз.

— Действительно, — Дмитрий поглядел на серое небо и усмехнулся. — Не обгорите, Лизавета, — бросил он и ушёл.